УДК 82.3
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

М.А. Коновалова
Петрозаводский государственный университет

НАРЕЧИЯ В ФОРМУЛАХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ КАРЕЛИИ)

Анализируется функционирование наречий в составе фольклорных формул русских лечебных заговоров. На материале сборников XVII и XX веков установлено, что, несмотря на устойчивое ядро формульного репертуара, хронологический разрыв обусловил различия в реализации формульных моделей.

Лечебные заговоры, фольклорная формула, наречие, диахроническая лингвофольклористика, русские заговоры Карелии.

Исследование заговорных текстов, являющихся неотъемлемой частью традиционной духовной культуры русского народа, продолжается в культурологии, антропологии и филологии уже в течение нескольких десятилетий: изучается жанровая специфика заговора (В.Н. Мансикка, Т.А. Агапкина, В.П. Аникин), особенности его структуры (Н.В. Крушевский, В.Н. Топоров, А.В. Юдин), языка (З.К. Тарланов, Р.А. Агеева, В.А. Черванева), варианты классификации (В.Л. Кляус, Е.Н. Елеонская, А.В. Коровашко). Важнейшим свойством данного жанра выступает его формульность, анализу которой свои работы посвящали Н.Ф. Познанский, А.Л. Топорков, Е.Б. Артеменко, С.И. Доброва, А.Т. Хроленко и др.

Целью данной статьи является сравнительный анализ функционирования наречий в составе фольклорных формул лечебных заговоров на материале двух разновременных сборников Карелии («Олонецкий сборник» XVII в. и «Русские заговоры Карелии» XX в.). Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) классификация формул с наречным компонентом по семантическим разрядам наречий; 2) описание структурных и прагматических функций выделенных групп формул; 3) выявление сходств и различий в использовании данных формул в сравниваемых сборниках. Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на устойчивый интерес к формульной природе заговора, лингвистический анализ роли конкретных частей речи (в частности, наречий) в структуре и семантике формул остается недостаточно разработанным. Во-вторых, представляет научный интерес диахронический аспект: сопоставление формульных систем в источниках, разделенных тремя веками, позволяет выявить динамику и вариативность жанра в контексте эволюции устной традиции и способов ее фиксации. В-третьих, исследование приобретает междисциплинарную глубину благодаря учету историко-культурного контекста (состояние системы здравоохранения в регионе), что объясняет социальную востребованность и специфику лечебных заговоров как практического инструмента народной медицины.

Сущность заговора через понятие формулы определяется уже в классических трудах отечественной фольклористики: Н.Ф. Познанский, чья трактовка стала хрестоматийной, подчеркивал его императивно-магическую природу, предлагая следующую дефиницию: «Заговор есть словесная формула, обладающая репутацией достаточного и неотразимого средства для достижения определенного результата, при условии соблюдения всех требующихся при этом предписаний» [9, с. 101]. Н.Ф. Познанский приходит к такой формулировке, подвергнув детальному анализу и пересмотру взгляды на этот жанр фольклора Ф.Ю. Зелинского и А.А. Потебни, которые утверждали, что все заговоры «развились из первоначальной формулы сравнения» (Там же, с. 58). В.П. Аникин также определял заговор как «традиционную ритмически организованную формулу, которую человек считал магическим средством достижения различных практических целей» [1, с. 94]. В современной научной традиции формульность по-прежнему считается одной из центральных характеристик заговора, что иллюстрирует, например, следующее определение: «Заговор – в устном творчестве разных народов словесная формула, по суеверным представлениям, якобы имеющая магическую силу» [10, с. 971]. Таким образом, в научной традиции сложилась устойчивая парадигма, согласно которой формульность является системообразующим, жанроопределяющим признаком заговора. Н.В. Гультяева подтверждает эту мысль, отмечая, что в заговоре «устойчивые сочетания, характерные также для других жанров фольклора» [5, с. 15] используются наиболее часто.

Данная особенность обусловливает структурную «клишированность» заговорных текстов. Как справедливо отмечал Н.Ф. Познанский, «ни в одном виде народной словесности не господствует в таких размерах шаблон, как в заговорах. <…> Большинство заговоров создано по раз установившейся схеме, определенными приемами» [9, с. 74]. В результате многие

тексты представляют собой комбинацию устойчивых блоков, а в отдельных случаях могут редуцироваться до единственной формулы, что лишь подтверждает первичность формульного принципа в их организации.

С тем чтобы в дальнейшем осуществить более глубокий анализ заговорных формул, необходимо определить само явление «формульности», а также «фольклорной формулы». С.М. Толстая дает формульности заговора следующую дефиницию: это «наличие в их структуре клишированных фрагментов, устойчивых в своем содержании (мотивах) и языковой форме, повторяющихся во многих текстах и нередко имеющих индоевропейское происхождение или являющихся универсальными для разных традиций» [12, с. 152]. К исследованию же самой формулы, характерной для большинства жанров устного народного творчества, фольклористы обращались неоднократно, в связи с чем позволим себе ограничиться лишь несколькими определениями, предложенными исследователями во второй половине XX–XXI веке. Например, А.Т. Хроленко утверждает, что формула – это фрагмент текста, «обладающий константными элементами, устойчивый, не связанный с определенным сюжетом и повторяющийся в различных по тематике текстах» [16, с. 21]. П.Д. Ухов демонстрирует схожий взгляд: исследователь отмечает, что формулы «определенным сюжетом не связаны, используются в различных произведениях и в словесном оформлении приобретают относительно устойчивый вид» [14, с. 94]. И.Г. Гомонова также подчеркивает, что это «устойчивая словесная конструкция, как правило, ритмически упорядоченная и имеющая характер законченного суждения» [4, с. 154]. И.А. Оссовецкий, анализируя состав формулы, делает следующий вывод: «Формула включает в себя сочетания художественного определения (эпитета) с определяемым, стабильные синтаксические конструкции со словами-символами и с заданной экспрессией (различные виды параллелизмов), обобщенное обозначение пространства, времени, качества, количества, зачины, запевки, концовки» [8, с. 72]. Важным уточнением является наблюдение Т.И. Мальцевой о вариативности объема формулы – «от одного слова со стабильной позицией в строке до целого фрагмента текста» [7, с. 64]. Таким образом, анализ различных дефиниций позволяет перейти от простого перечисления свойств к выделению системообразующей триады признаков фольклорной формулы (оговоримся, что в каждой отдельной формуле эти признаки могут проявляться в большей или меньшей степени):

1) устойчивость (наличие константного ядра),

2) транспонируемость (свободное от сюжетной «привязки» функционирование в различных структурных элементах),

3) структурно-семантическая завершенность (ритмическая организация и способность к выражению целостного, часто обобщенного смысла).

Обладая обозначенными выше характеристиками, формулы могут разделяться на несколько групп, при этом могут выделяться формулы как характерные для определенного элемента структуры заговорного текста (например, зачина или закрепки), так и свободно функционирующие в различных контекстах. Кроме того, формула, являясь важнейшей структурной единицей заговора, может становиться одним из оснований для классификации текстов этого жанра. Еще Н.Ф. Познанский заметил, что, например, «характер болезни накладывает отпечаток на характер заговора, применяющегося против нее» [9, с. 109], что актуально и для более широкого контекста: использующиеся в определенных ситуациях формулы, обусловленные особым характером взаимодействия с проблемной ситуацией, в результате формируют различные группы и подгруппы заговоров. Так, традиционно собирателями и исследователями фольклора выделяются несколько групп заговоров (любовные, сельскохозяйственные, промысловые и др), среди которых одной из самых многочисленных становится группа заговоров лечебных, ставших объектом нашего исследования.

Для анализа формульной составляющей заговорного текста мы обратимся к двум сборникам, отражающим вербальную часть народной медицины, бытовавшей на территории Республики Карелия в XVII и XX веках. Материалом исследования служат два сборника: «Олонецкий сборник» (далее – ОС) и сборник «Русские заговоры Карелии» (далее – РЗК). Рукопись ОС была найдена в середине 70-х годов, мы же обращаемся к изданию «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.», подготовленному А.Л. Топорковым и включающим 118 текстов (мы не считаем записи на прибалтийско-финских языках, а также записи, в которых отсутствует вербальная часть обряда), представляющим как переписанные из других источников заговоры, так и записанные изустно во второй четверти XVII века. Сборник РЗК под редакцией Т.С. Курец составлен на материалах Архива КарНЦ РАН, а также фонотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН и включает 452 текста с 1866 по 1991 годы.

В качестве объекта лингвистического анализа в рамках настоящего исследования избраны наречия, выступающие в роли одного из ключевых компонентов формульной структуры. Выбор этой части речи обусловлен ее уникальной синтаксической позицией и семантическим потенциалом. Будучи средством выражения обстоятельственных, определительных и качественно-количественных значений, наречие обладает высокой степенью интеграции в различные типы устойчивых сочетаний. Таким образом, представляется возможным выдвинуть гипотезу о корреляции между определенными семантическими группами наречий и типами формул, в состав которых они входят.

Для формирования представления о степени необходимости практического применения лечебных заговоров на данной территории видится важным представить исторический контекст доступности официальной медицинской помощи населению. Для Олонецкой губернии (впоследствии – Карелии) ситуация с государственным здравоохранением на протяжении нескольких столетий была критической: в XVII – первой половине XIX века систематическая медицинская помощь сельскому населению, составлявшему большинство, практически отсутствовала. Исследования, представляющие положение государственного здра-

воохранения в XVII–XVIII веках, не обнаружены, а первые материалы посвящены лишь середине XIX века. Как замечает В.И. Бузин, «сельское население только за 20–25 лет до открытия земских учреждений (т.е. примерно с 1840-х гг. – *М. К.*) могло пользоваться, до известной степени, медицинской помощью, а до того времени вся медицинская организация уезда состояла из одного городского врача» [3, с. 123]. Городские же больницы, находившиеся в ведении Приказов общественного призрения, носили, по его словам, «скорее характер благотворительности» (Там же), были плохо оборудованы и обслуживали крайне ограниченный круг лиц. Ситуация начала медленно меняться после земской реформы 1864 года, возложившей на новые органы самоуправления «попечение о народном здравии» [2]. Однако, как отмечает В.Г. Баданов, эта обязанность была отнесена к «необязательным повинностям», что ограничивало финансирование. Тем не менее, именно земства заложили основу системной медицинской помощи в губернии.

Несмотря на эти усилия, даже к середине XX века проблема была далека от решения. Анализируя развитие здравоохранения в Карелии 1930-х годов, С.Н. Филимончик констатирует: «Рост сети учреждений здравоохранения отставал от запросов населения <...> далеко не все проблемы здравоохранения в республике удалось решить» [15, с. 47]. Это отставание, усугубленное тяжелыми условиями послевоенного времени, напрямую объясняет сохранение и востребованность народных практик, включающих заговоры, вплоть до конца XX века. В связи с изложенным состоянием официальной медицины видится объяснимой значительная доля лечебных заговоров в исследуемых сборниках: В ОС содержится 51 заговор данной тематики, что составляет 62 % от всего количества текстов, а в РЗК – 244 заговора, соответствующих 56 %. Количественное преобладание лечебных заговоров закономерно определяет их в качестве основного объекта исследования. Для анализа формульной организации этих текстов, в частности – роли в ней наречий, требуется классификация, учитывающая специфику материала.

Как было упомянуто выше, возможны разные варианты классификации фольклорных формул, которым авторы дают разные наименования, кроме того, в настоящий момент существует множество исследований, посвященных отдельным заговорным формулам, названия которых не встречаются в общих классификациях (так, помимо инициальной и финальной формул, формул магического центра и дороги могут выделяться формулы изгнания или отсылки болезни, формулы невозможности и др.). В рамках данного исследования, учитывая его предмет, а именно функционирование в заговорной формуле наречий, мы предлагаем собственный вариант классификации. В первую очередь нами были сформированы основные группы, соответствующие разрядам наречий, которые входят в их состав: пространственно-направительные формулы, временные формулы, формулы со структурной функцией меры и степени, формулы, характеризующие действие. В разделении групп на меньшие подгруппы учитываются выделенные А.Л. Топорковым в ОС группы формул в отношении действий (например, формула отправления в путь, мифологического центра), а также предложенные другими исследователями отдельные заговорные формулы (инициальная и финальная формулы, формула изгнания и др.). Соотношение наречий разных разрядов в ОС и РЗК представлено в таблице 1.

В группе лечебных заговоров обоих сборников преобладают наречия времени, входящие в состав временных формул: это инициальные, финальные формулы и формулы, указывающие на скорость излечения. Формулы инициальные располагаются в зачине, за такой формулой обычно следует инициальная пространственная формула: «Ставала по утру ранешенько; выходила из дверей в двери» (РЗК [11, с. 88]). Еще одним типом временных формул, тесно связанным со структурой заговора, являются, напротив, формулы финальные, локализованные в молитвенном завершении или закрепке. Именно финальные формулы составляют абсолютное большинство в группе временных: в состав этих формул в ОС входит 31 наречие (94 %), в РЗК – 54 (81 %), приведем примеры: «ныне и присно и во веки» (ОС [13, с. 98]), «Всегда и ныне и присно и во веки веком» (ОС (Там же, с. 111)), «Ныне и присно, и вовеки» (РЗК [11, с. 96]), «отныне до веку» (РЗК (Там же, с. 57)). Формулы, указывающие на скорость избавления от недуга, располагаются в основной части: «И кол(ь) яз, раб Б(о)жий имярек, говорю скоро сей стих, тол(ь) бы скоро у сего раба Б(о)жия имярек ся болез(нь) стала золота с яголные уши» (ОС [13, с. 96]), «Пора тебе, хрещена, поправиться, расправиться» (РЗК [11, с. 66]). Таким образом, в лечебных заговорах обоих сборников временные формулы, содержащие наречия, демонстрируют жесткую привязку к композиционной структуре текста и не обнаруживают значительных различий в употреблении. Инициальные формулы маркируют начало действия (обратим внимание, что такие формулы полностью отсутствуют в ОС), финальные – его ритуальное завершение, а формулы скорости излечения локализуются в основной части, непосредственно моделируя желаемый результат.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ НАРЕЧИЙ
В ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

Наречия	Олонецкий сборник (XVII в.)	Русские заговоры Карелии (XX в.)
Места	7 (14 %)	57 (35 %)
Времени	35 (68 %)	67 (41 %)
Образа действия	8 (16 %)	30 (19 %)
Меры и степени	1 (2 %)	8 (5 %)

Еще одна группа формул, включающих обстоятельственные наречия, – пространственно-направительные, подразделяющиеся на инициальные (формулы отправления в путь), формулы мифологического центра, диалогические формулы и формулы изгнания болезни. В самом начале текста – в традиционном зачине – обнаруживаются формулы инициальные: «Стану благословяс(ь), пойду перекрестяс(ь) из ызбы двермы, из ворот воротмы» (ОС [13, с. 121]), «пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами во чисто поле путем-дорогою» (РЗК [11, с. 75]). Данная формульная модель демонстрирует значительную вариативность элементов: 1) в выборе предиката (встану/пойду/выйду); 2) в количестве и составе семантически сходных локативных компонентов; 3) в грамматическом оформлении этих локативов – они могут быть выражены как предложно-падежной конструкцией (через двери), так и обстоятельственным наречием (дверями). В рамках данной формулы часто наблюдается согласование фонетических форм слов: «дверями» с «воротами», а «двермы» с «воротмы». К следующему типу относятся устойчивые конструкции, репрезентирующие действия, совершаемые в эпическом ядре заговора, в центре мира. Данный блок, отличающийся наибольшим объемом, складывается из нескольких сюжетных элементов, каждому из которых соответствует определенный набор формул. Начальный фрагмент обозначает локацию сакрального центра и/или вводит агентов последующего взаимодействия – будь то мифологический помощник или персонифицированная болезнь: «Стар муж идет дорогой» (ОС [13, с. 98]), «Там <...> гора бошовиньска» (РЗК [11, с. 104]), «там сидит старый человек матерый» (РЗК (Там же, с. 103)). Дальнейшее взаимодействие часто представляется в виде диалога, в качестве формульных элементов которого снова выступают наречия: «Ой же вы, по морю бредущии и по полю мятущии и простовласыи, куда вы пошли?» (ОС [13, с. 113]), «Луна, луна, откуда ты идешь?» (РЗК [11, с. 77]), «Куда же ты летишь, каленая стрела?» (РЗК (Там же, с. 81)). Завершает классификацию пространственно-направительных формул группа императивных (повелительных) формул изгнания болезни, обязательным компонентом которых также являются наречия. Их прагматическая функция состоит в прямом вербальном воздействии – приказе или требовании, адресованном болезни или персонажу, ее персонифицирующему. Приказ или требование может быть представлено как в диалоге (непосредственно приказанием «Откуль, лихо, пришло, – туда, лихо, поди» (РЗК (Там же, с. 98)), «тебе, чирью, имени нет и места нет нигде» (РЗК (Там же, с. 97)) или ответом персонифицированной болезни «Мы от раба Б(о)жия имярек кружим за 300 верст и за 30, ни бли(з)ко к нему, имярек, не подойдем, ни ко двору его, ни к лошаде его» (ОС [13, с. 113])), так и в отдельной императивной формуле («у сег(о) раб(а) Б(о)жия имярек (моча) и кал вон не бежи» (ОС (Там же, с. 94))). Тексты, редуцированные до подобной формулы, отличаются предельной лаконичностью. Структурная модель таких клише является устойчивой и включает три элемента: 1) обращение-номинацию адресата; 2) наречие, задающее пространственный вектор (место/направление); 3) глагол в форме повелительного наклонения, обозначающий требуемое действие (уйти, сойти). Проведенный анализ пространственно-направительных формул выявляет их функциональное разнообразие, несмотря на меньшее количество словоупотреблений по сравнению с временными формулами. В РЗК фиксируется большая вариативность подгрупп формул, что может объясняться характером источников: лаконичность и письменная природа текстов ОС способствовали фиксации более стандартизированных, ритуально-сжатых формул. Напротив, РЗК, будучи записью изустной традиции XX века, сохранил большее разнообразие живых диалогичных директивных формул.

Группа формул со структурной функцией меры и степени весьма ограниченна. В рамках этой группы можно выделить формулы присоединения («Да еще у мужа у ведуна есть байна парная» (ОС [13, с. 96])) и коррелятивные формулы («Ты лети, стрелька, о коль скоро и борзо, толь бы скоро и борзо от раба Божьего (имярек) урёки и прикосы вон выходили» (РЗК [11, с. 105]), «Каково тобе, грыз(ь), у ряпчея камени жит(и), таково ж тобе, грыз(ь), у тог(о) раба Б(о)жия младенца» (ОС [13, с. 118])). Таким образом, группа формул со структурной функцией наречий меры и степени демонстрирует два функционально различных типа.

Последняя группа – формулы, характеризующие действие, несмотря на ограниченный объем (16 % наречий в ОС и 18 % – в РЗК), отличается вариативностью значений и также может быть разделена на две подгруппы: непосредственно характеризующие и сравнительно-уподобительные. Непосредственно характеризующие формулы в свою очередь применяются в отношении разнообразных действий в основной части. Во-первых, в комбинации с формулой изгнания может даваться положительная характеристика образа жизни в месте, куда ссылается болезнь, чтобы сделать его привлекательным для «злого» начала: «опустисся ты, грыз(ь), в ол(ь)ховое корен(ь)е и там тобе, грыз(ь), добро жыт(и) и прожиточно и ес(ть) тобе там, что ести и пити» (ОС (Там же, с. 119)). Во-вторых, дается характеристика неотвратимости ухода болезни: «трясовицы и родимец бежат под пень, под колоду безотпятно и безотворотно» (РЗК [11, с. 65]). В-третьих, обозначается характер действия, сообщаемого волшебному помощнику: «Печка-каменка, начисто очисти» (РЗК (Там же, с. 62)). Наконец, наречия образа действия употребляются и в закрепке с целью утверждения силы заговорного слова: «Бытте, мои слова, крепко-накрепко, востро-навостро» (РЗК (Там же, с. 103)). Подгруппа сравнительно-уподобительных формул строится с привлечением параллелистических конструкций, которые представляют собой «расположение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов речи в смежных частях текста. Параллельными могут быть различные по объему элементы: фрагменты текста, предложения, их части, словосочетания слова» [6, с. 192]. В лечебных заговорах с помощью паралле-

лизма какая-либо ситуация или качество внешнего мира проецируется на заговариваемого человека или болезнь: «Каково тобе, грыз(ь), у ряпчея камени жит(и), таково ж тобе, грыз(ь), у тог(о) раба Б(о)жия младенца имярек» (ОС [13, с. 118]), «Коль скоро летит коренна стрела, только скоро, прици, преузоры, прочь выходите» (РЗК [11, с. 105]), «Как эта тяга крепка, чтобы так спал ребенок крепко» (РЗК (Там же, с. 60)). Итак, группа формул, характеризующих действие, выполняет ключевую роль в реализации магической прагматики заговора: непосредственно-характеризующие формулы обеспечивают моделирование идеального и необратимого исхода, а сравнительно-уподобительные, построенные на параллелизме, создают связь между эпическим образом и желаемым результатом. Сравнительный анализ использования формул в сборниках выявляет их качественное различие: в ОС наблюдаются традиционные, сжатые формы, преобладают простые конструкции, в то время как для РЗК характерна высокая вариативность формул: парные синонимы («безотпятно и безотворотно»), суперлативы («крепко-накрепко») и т.п.

Итак, проведенное исследование позволяет на материале двух разновременных источников сделать ряд обобщающих выводов о специфике формульной организации лечебных заговоров и ее динамике. Установлено, что фундаментальное свойство формульности, признанное в научной традиции жанрообразующим, находит свое конкретное воплощение в системном использовании наречий в качестве ключевых структурных элементов устойчивых вербальных конструкций. Анализ выявил доминирующую роль временных формул в обоих сборниках, что подчеркивает сакральную значимость категории времени в ритуальном тексте: инициальные формулы маркируют начало магического акта, финальные (наиболее частотные) – его вечное и необратимое закрепление, что обеспечивает перформативную завершенность заговора. Тем не менее, трехвековой хронологический разрыв и различная природа источников (письменный свод XVII в. и запись живой устной традиции XX в.) обусловили качественные различия в самой формульной модели. Для «Олонецкого сборника» характерны более каноничные и лаконичные описательные формулы. В то же время сборник «Русские заговоры Карелии» демонстрирует значительно большее структурное и функциональное разнообразие формул. Эти различия указывают на эволюцию жанра в сторону усиления экспрессивности и вариативности, и, таким образом, несмотря на устойчивое ядро, лечебный заговор предстает не как статичный феномен, а как динамично развивающаяся система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – Москва : Высшая школа, 2001. – 726 с.

2. Баданов, В. Г. Организация земской медицинской помощи в Олонецкой губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В. Г. Баданов // Studia Humanitatis. 2019. – № 4. – URL: https://st-hum.ru/content/badanov-vg-organizaciya-zemskoy-medicinskoy-pomoshchi-v-oloneckoy-gubernii-vtoraya-polovina (дата обращения: 10.12.2025). – Текст : электронный.

3. Бузин, В. И. История Олонецкого земства / В. И. Бузин. – Петрозаводск : Олонецкая губернская типография, 1917. – Вып. 1: Дореформенный период и введение земских учреждений. – 218 с.

4. Гомонова, И. Г. Структурные особенности формул отсылок в текстах русских и белорусских заговоров / И. Г. Гомонова, Н. И. Лапицкая // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований. – Новозыбков : Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2015. – С. 154–161.

5. Гультяева, Н. В. Язык русского заговора: лексика : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гультяева Н. В. – Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2000. – 19 с.

6. Доброва, С. И. Семантика субъектного плана и типология формул параллелизмов-биномов (на материале заговорных текстов) / С. И. Доброва // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1(260). – С. 192–198.

7. Мальцева, Т. И. К вопросу об интерпретации устойчивых фрагментов фольклорного текста / Т. И. Мальцева // БГЖ. – 2018. – № 2 (23). – С. 64–67.

8. Оссовецкий, И. А. О языке русского традиционного фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66–77.

9. Познанский, Н. Ф. Заговоры : опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский. – Петроград : Типография А. В. Орлова, 1917. – 327 с.

10. Померанцева, Э. В. Заговор / Э. В. Померанцева // Краткая литературная энциклопедия. – Москва : Современная энциклопедия, 1964. – Т. 2 : Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. — Стб. 971–972.

11. Русские заговоры Карелии / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; научный редактор Н. А. Криничная ; составитель, вступительная статья, примечание Т. С. Курец. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. – 275 с.

12. Толстая, С. М. Наблюдения над сербскими заговорами: формулы аномальности / С. М. Толстая // Славянский мир в настоящем и прошлом : Памяти Владимира Павловича Гудкова (Москва, 24–25 мая 2021 г.). – Москва : МАКС Пресс, 2022. – С. 151–158.

13. Топорков, А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – Москва : Индрик, 2010. – 832 с.

14. Ухов, П. Д. О типических местах (loci communes) в русских народных песнях / П. Д. Ухов // Вестник Московского университета. – 1957. – № 1. – С. 94–103.

15. Филимончик, С. Н. Развитие здравоохранения в Карелии в 1930-е годы / С. Н. Филимончик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 44–53.

16. Хроленко, А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А. Т. Хроленко. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1981. – 163 с.

M.A. Konovalova

ADVERBS IN HEALING SPELL FORMULAS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN SPELLS OF KARELIA)

The article analyzes the functioning of adverbs in the folklore formulas of Russian healing spells. Based on the material from the 17th- and 20th-century collections, it is revealed that, despite a stable core of the formulaic repertoire, the chronological gap has led to differences in the implementation of formulaic models.

Healing spells, folklore formula, adverb, diachronic linguistic folkloristics, Russian spells of Karelia.